

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Оформление серии *С. Груздева*

Михайлова, Евгения.

М69 Изменить одиночеству / Евгения Михайлова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Детектив-событие).

ISBN 978-5-04-099510-3

Дима был доволен своей жизнью и считал, что ему повезло: заботливая жена, обожаемая дочь. Но однажды он осознал, что выбрал для своей девочки неправильную мать...

После смерти супруги Яков решил, что жизнь кончена. Появление Мирославы дало ему новую надежду, но вскоре выяснилось, что у этой роскошной женщины на него свои планы...

В жизни Даши было двое мужчин: один ее уничтожил, второй — воскресил, чтобы уничтожить вновь. Как удержаться на краю пропасти и выжить?

Когда жизнь кажется совсем невыносимой, нужно помнить, что самый темный час — перед рассветом. Герои остросюжетных рассказов Евгении Михайловой любят и ненавидят, страдают и радуются, теряют и находят. На примере их судеб автор показывает, что любовь победит равнодушие и человек, который не очерствел сердцем, всегда найдет свое счастье.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099510-3

© Михайлова Е., 2019
© Оформление.
ООО Издательство «Эксмо», 2019

ТЕМНАЯ ВОДА

Дмитрий Китаев в свои сорок два года оставался стройным, легким, подвижным. Доверчивый и доброжелательный взгляд светло-серых глаз, интеллигентное лицо, немного виноватая улыбка. Носил блекло-голубые, застиранные джинсы и легкую ветровку. Таким был облик солидного заведующего редакцией на радио. И, конечно, никто из сослуживцев, знакомых и соседей не называл его ни Дмитрием Ивановичем, ни даже просто Дмитрием. Он был Дима и так сам к этому привык, что невольно напрягался, когда его называли более официально.

У Димы было положение и неплохая зарплата, но он прекрасно понимал, что он не гений, не могущественный магнат, не вершитель судеб. Зато он был человеком на своем месте. Он прекрасно чувствовал чужой талант и мог помочь талантливому человеку добиться успеха.

А еще у Димы была тайна. Дима только сейчас почувствовал себя молодым и сильным. Вырвался из-под гнета властного отца с тяжелым характером. Затем освободился от вечного безденежья и

Евгения Михайлова

уцелел от соблазнов — продавать ложь и клевету, предавать свою человеческую позицию. Вышел из сумрачного подполья неуверенности в собственных возможностях.

Диму любили друзья, он нравился женщинам, его уважали коллеги. А эта тайна — душа, рвущаяся вверх и вдаль, как будто жизнь только началась, — его главная тайна была видна всем. Что и делало Диму на редкость приятным, позитивным человеком.

Собственная легкая и светлая душа должна была бы обеспечить счастье Димы Китаева. И он был бы счастлив, если бы не одно «но». Дима знал, где оно находится, но не позволял себе об этом задумываться. Там был провал, глубина с темной водой. И для нормальной жизни, работы, просто для ровного дыхания Дима оттаскивал себя от края. И радовался, что всегда так занят и на праздные размышления не остается времени.

Дима был удачно женат, так считали все. Они с Кирой даже внешне были похожи. Оба голубоглазые, русоволосые. Кира смущенно и немного виновато улыбалась, всегда тихо и вежливо со всеми здоровалась. Их дочери Маше было десять лет. Высокая и худенькая, как отец, тихая и скромная, как мама. Но глаза у Маши были большие темно-карие. Обычно у светлоглазых родителей рождаются светлоглазые дети, Кира сначала даже была встревоже-

ИЗМЕНИТЬ ОДИНОЧЕСТВУ

на, ходила советоваться с разными врачами. Она боялась проявлений скрытых патологий. Но выяснилось, что у Киры была темноглазая бабушка. И сама Кира была носителем гена карего цвета. У Димы после этой истории остался неприятный осадок. Ребенок был совершенно здоровым, спокойным, родным, а Кира готова была увидеть в красивых глазах дочки какой-то дефект, подозрительно присматривалась и прислушивалась к ней. Успокоилась только тогда, когда получила формальное заключение: девочка имеет полное право быть кареглазой.

С Кирой Дима познакомился двенадцать лет назад, в Варшаве. Он там работал в пресс-службе российского посольства. Кира была бухгалтером. Миниатюрная, стройная, она хорошо и со вкусом одевалась, была сдержанной, немногословной, умела слушать. Дима не влюбился, просто девушка ему очень понравилась, как многие, впрочем. Им обоим было уже за тридцать. И когда Кира пригласила его вечером к себе попить чаю, он не переоценивал значение этого события. Да, он остался у нее на ночь, но утром не был уверен, что захочет повторить. Кира была очень скованной в постели. И дело даже не в этом: эта милая женщина при близком знакомстве оказалась абсолютно лишенной женской привлекательности. Ноль соблазна и чувственности. Но через день она встретила Диму в коридоре и спросила:

Евгения Михайлова

— Когда мы зарегистрируем наши отношения?

Дима смущенно улыбнулся и ответил:

— Хоть завтра.

Он сделал лишь один вывод: Кира — женщина настолько строгая и порядочная, что для нее ночь, проведенная с мужчиной, — событие жизни. А почему нет? Он никем и ничем не связан. А найти верную, преданную жену, наверное, совсем не просто. Ему повезло.

И, действительно, его жизнь кардинально преобразилась. Теперь у него появилась образцовая семья. Дома чисто, всегда готов обед, жена всегда приходит домой раньше, чтобы встретить мужа. Кира взяла на себя не только все бытовые хлопоты, но и все финансовые дела, ведала семейным бюджетом. Дима хвастался друзьям, какое сокровище на него свалилось. Он был полностью беззаботен. Даже в те вечера, когда он возвращался после встреч с друзьями и от него откровенно пахло пивом или вином, Кира оставалась ровной и невозмутимой. Ни слова упрека. Она подавала ужин и делала вид, что ничего не заметила.

Они вернулись в Москву, родилась Маша. Дима продал квартиру покойной мамы, добавил денег и купил скромную, но вполне удобную трешку в тихом, зеленом районе. Новые соседи приняли их доброжелательно, и вскоре все стали называть его Димой, Киру — женой Димы, Машу — дочкой Димы.

ИЗМЕНИТЬ ОДИНОЧЕСТВУ

Его общительности и позитивности хватало на троих. И в семейной жизни тоже.

Кира узнавала все новости только от мужа. Она была не просто нелюбопытна, она к любой информации относилась тревожно: словно пыталась понять, что плохого ей это может принести. А Маша ждала папу, чтобы поиграть, посмеяться, подурачиться. Она рано поняла, что папа залог ее прав — быть веселой, шумной, нарушать привычный режим, а иногда и вовсе делать все наоборот. Кира никогда не делала дочери замечаний при муже. Такой образцовой она была женой.

Дима по-прежнему любил рассказывать знакомым, какое сокровище на него свалилось. «Никаких проблем», — говорил он. А сердце все чаще сжималось при этих словах. У него было очень правдивое сердце, оно реагировало на любую ложь.

Но таким ведь ни с кем не поделишься. Это не по-мужски.

В один из последних теплых вечеров года Дима возвращался домой. Шел пешком от метро. Он так и не стал правильным начальником. За материалами для срочных репортажей мчался сам, не отдавая никому интересное событие. А чтобы не опоздать, удобнее всего пользоваться общественным транспортом. Он легко и быстро прошел два квартала, с наслаждением ощущая теплое и неторопливое дыхание ранней осени, вошел в свой двор. И ноги

Евгения Михайлова

вдруг отяжелели. У подъезда подошвы прилипли к сухой земле. Он курил сигарету за сигаретой, при-ветствовал редких соседей и уходил от любых раз-говоров, что было для него совсем не характерно. Дима не хотел возвращаться домой. Ему там было плохо... Просто шаг до станции «нестерпимо». Он целый день не думал о Кире, но она сидела острым шипом в его мозгу.

Это случилось накануне утром. Дима приехал на встречу, а встречу отменили. Появилось несколько свободных часов. Дима решил вернуться домой.

Он вошел в квартиру, предвкушая, что сейчас увидит дочку. С вечера ей нездоровилось, и Кира позвонила в школу, попросила свободный день. Если завтра Маше не станет лучше, они вызовут вра-ча и возьмут справку. Эту неожиданную паузу утром рабочего дня отец с дочерью вдвоем как-то отме-тят. Пусть Маша лежит в постели, укрытая. Он най-дет для нее отличный фильм, сбегает в магазин за ее любимым вишневым пирогом. Кира ненавидела готовить. Это тоже следствие ее отвращения к че-ловеческой физиологии. Обеды и ужины первого года семейной жизни давно ушли в прошлое. Сей-час комплексные обеды им привозили из самого де-шевого интернет-магазина готовой еды. Кира по-считала с калькулятором, насколько это дешевле, чем готовка из нормальных продуктов. Впрочем, выпечку и сладости, которые Дима приносил Маше,

ИЗМЕНИТЬ ОДИНОЧЕСТВУ

она с удовольствием ела. И даже не просто ела — поглощала, жадно и торопливо, как будто внутри ее сидел голодный, ненасытный зверь. Дима старался даже не смотреть, как жена ест.

Дима открыл входную дверь, снял куртку и кроссовки, стараясь не шуметь, ведь Маша, наверное, спит. Направился к гостиной. И вздрогнул от страшных звуков. Сдавленный хрип, стон... Это голос Маши! Ей плохо, у нее удушье! — испугался Дима. Вдруг у девочки воспаление легких?

Он влетел в детскую и застыл на пороге.

Маша в ночной рубашке стояла на коленях на полу, а Кира душила дочь, схватив за горло, потом вцепилась ей за волосы, стала бить по щекам и губам. Дима был так потрясен, что даже не сразу вмешался. Голос пропал, ноги парализовало.

Потом он самого себя видел как со стороны и в тумане. Он оттаскивает Киру от дочери, с силой ее толкает. Она едва не падает, но удерживается на ногах, уцепившись за спинку кровати. Дима хватается Машу на руки, прижимает к себе и качает, словно в младенчестве. Носит по комнате и приговаривает:

— Мой маленький Маш, папин дочь, мой любимый малыш. Маш будет сейчас спать, мой мышонок.

У них с Машей с ранних лет была такая игра, чтобы Дима не жалел, что у него родился не сын.

«Я лучше, чем сын, — сказала Маша в пять лет. — Я — папин дочь».

Евгения Михайлова

И Маша, не ожидавшая такого быстрого спасения, действительно заснула у него на руках. Она вся горела. Кира избивала больного ребенка!

Свои свободные два часа он провел у кровати Маши, слушал дыхание. Потом вышел в кухню, где у стола сидела скорбная Кира, она пила сердечные капли. Дима молчал. А Кира принялась жаловаться на дочь, как она своим поведением подрывает здоровье матери.

— Она убивает меня своей расхлябанностью, безответственностью и неблагодарностью! Вчера я послала ее в магазин за продуктами: молоко, кефир, хлеб, яйца и несладкое печенье для меня. Положила ей деньги в кармашек сумки. А она пришла без продуктов, говорит, что не смогла дойти до магазина, голова закружилась. Я была уверена, что деньги остались в сумке, и не стала вынимать. А сейчас заглянула — денег нет! Она их потеряла! Неблагодарная дрянь!

— Один вопрос: за что она должна тебя благодарить?

— Как за что? Я кормлю. Я стираю. Я...

— Хватит! Если бы я знал, что моего ребенка будут убивать из-за моих же копеек, я бы никогда не лег с тобой в постель. И так... В общем, я увидел. Понял, что это не первый раз. Если не последний, если еще раз позволишь себе так обращаться с дочерью — конец всему. Как-нибудь проживем с Машей.

ИЗМЕНИТЬ ОДИНОЧЕСТВУ

Вечером Кира встретила его как ни в чем не бывало. И в час супружеского долга ждала его, чтобы получить подтверждение в незыблемости их порядка. Ее порядка, вбитого и в его голову.

И ведь на поверхности ничего не изменилось. Порядок, тишина, ее молчаливое, тактичное присутствие. И электронные часы на стене в гостиной, угол которой — его кабинет. Эти часы показывают время, когда он непременно должен войти в спальню. Его никто не гонит, не заставляет. Просто их жизнь состоит из таких пунктов и порядковых номеров, которые никак нельзя отменить. Потому что нарушение их порядка — это есть разрушение всей жизни. Кроме этого порядка, Дима в ней ничего больше не видит.

Дима вспоминал прошедшую ночь. Эти проклятые часы, которые отбирают его личное время. Хлопнула дверь ванной. Кира вышла оттуда в своей дорогой, закрытой и страшной, как саван, ночной рубашке. Он выкурил свою прощальную сигарету, почистил зубы и вошел в спальню вслед за женой. Там в свете самого тусклого ночника, какой Кира сумела отыскать, — белоснежные простыни, пододеяльник. На белой наволочке — сероватое лицо Киры. У нее вечные проблемы то с желудком, то с печенью, причем никакие врачи еще ничего не нашли. Дима давно поставил жене диагноз. Это психопатический характер, загнанный глубоко

Евгения Михайлова

внутри, отравляет ее организм. Это подавленное раздражение, злоба, отвращение ко всему, что связано с физиологией, нетерпимость к отклонению от своих догм. И да, такая мерзость, невыносимая для интеллигентного человека, как алчность. Кира скупа и жадна в степени маниакальности. Деньги — это венец ее потребностей и представлений о счастье.

Как же были плохи ее дела на поприще поиска мужа, если она остановила свой выбор на нем, часто думал Дима. На нем, безалабернее и щедрее которого и нет никого.

«Ты не человек! — орал когда-то отец. — Ты — карман с дыркой! Ничего ты не добьешься, помрешь в нищете».

А он добился всего, чего хотел. Даже не добивался особенно. Все, что ему нужно, его нашло. И что не нужно, тоже нашло и отомстило за свободу от тупой власти отца.

Дима лег рядом на свою подушку и потянулся к жене, чтобы обнять. И нарушил собственное правило последних лет — не смотреть ей в лицо. В идеале вообще не смотреть на нее. Закрывать глаза, как от блаженства. А тут он посмотрел.

Как он мог когда-то увидеть в этой жесткой и непроницаемой маске женскую миловидность? Дима почувствовал резь в глазах, как от песка. От его прикосновения маска перестала быть непроницае-

ИЗМЕНИТЬ ОДИНОЧЕСТВУ

мой. В сжатых накрепко сухих и блеклых губах — отвращение и обреченность, как перед пыткой. А в глазах — будто темная вода. Поверхность болота, в котором тонут или прячутся уродливые и агрессивные эмоции.

— Что-то сердце закололо, извини. Пойду попить воды, подышу на балконе. Пройдет. Ты спи, не жди меня.

Она не сдержала вздоха облегчения, этот вздох стукнулся в его спину. Она, конечно, ничего не поняла, как всегда. Просто у нее сегодня не будет одной неприятной процедуры, значение которой — цементировать семейный порядок. И она, конечно, поверила, что у него просто заболело сердце. В ее плоские представления не могла поместиться правда: муж ее никогда не любил, просто терпел и мог бы терпеть всю жизнь. Но после сцены с истязанием Маши жена ему стала отвратительна, страшнее самого страшного сна. А Кира даже не связала его отторжение с тем, что он увидел, узнал утром.

Дима выронил из пальцев окурки и долго давил, растирал его ногой, как врага. Вошел в лифт тяжелыми ногами. У двери в квартиру остановился и оглянулся на спасительный лифт. Еще не поздно сбежать. Ночь в пустом и тихом кабинете редакции казалась сейчас верхом блаженства. Но он вспомнил глаза Маши, карие, тревожные озера, и достал из кармана ключ.